

ТАЯ ВЕТРОВА

КАРТОГРАФ ПОТЕРЯННЫХ МИРОВ

18+

18+

Тая Ветрова

Картограф потерянных миров

«Автор»

2026

Ветрова Т.

Картограф потерянных миров / Т. Ветрова — «Автор», 2026

Рута Вейль получает заказ: стереть с карты мир, в котором живёт её сестра. Вместо послушания она выбирает побег — на воздушном корабле Ардена Ро, дракона, привыкшего отдавать приказы. Он узнаёт в ней свою истинную. Но Рута не собирается отдавать ему право решать её судьбу. За звёздными воротами исчезают дороги, а за новую карту приходится платить воспоминаниями. Чтобы спасти сестру, Руте предстоит раскрыть тайну потерянных миров и понять, можно ли доверить сердце тому, кто хочет удержать её любой ценой. Завершённое романтическое приключенческое фэнтези. Истинная пара, сильная героиня, дракон-капитан и путешествия между галактиками. Без эротических сцен.

© Ветрова Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лишняя остановка	6
Глава 2. Семнадцатый причал	14
Глава	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Тая Ветрова

Картограф потерянных миров

Картограф потерянных миров

Тая Ветрова

Приключенческое романтическое фэнтези

18+

Вторая редакция

Глава 1. Лишняя остановка

В тот вечер я должна была стереть с карты мир, в котором жила моя сестра.

За эту работу платили шесть серебряных марок. Четыре ушли бы хозяйке комнаты, одну я задолжала аптекарю, а последнюю берегла на дорогу до южной причальной башни. Оттуда раз в десять дней уходил межгалактический корабль к Лиоре. Дешёвых мест не было, но я собиралась сторговаться: на любом судне найдётся карта, которую богатые господа успели испортить, а починить почему-то некому.

Служитель ещё рассчитывал, что я поблагодарю за заказ. Я смотрела на печать и думала, как сильно можно ударить человека чернильницей, чтобы он всё ещё сумел ответить на вопросы. Я ещё раз сверила номер заказа.

— Здесь ошибка. И прежде чем вы посоветуете мне проверить цифры, прочитайте название мира.

Человек за приёмной стойкой не поднял головы. На его рукаве поблёскивали две медные иглы — знак старшего служителя Палаты путей. Обе я узнала: два с лишним года назад сама чистила их перед праздником основания. Тогда я ещё работала наверху, среди картографов, а не брала заказы через боковую дверь.

— Ошибки в номере или в оплате? — спросил он.

— В распоряжении. Лиорский узел действующий.

Служитель протянул руку. Я положила на стойку заказ, но не выпустила его.

— Моя сестра живёт на Лиоре.

Он наконец посмотрел на меня.

— Рута Вейль?

Я кивнула.

Когда-то он называл меня Рутой и просил подменить на ночных свёрках. Теперь вытащил бумагу у меня из пальцев, разгладил и прочёл от начала до конца. Я следила за его лицом. Дойдя до названия мира, он задержался ровно настолько, чтобы у меня похолодели ладони.

— Отзыв навигационных сведений. Исправление устаревшей записи. Печать подлинная.

— На прошлой неделе пришло письмо.

— Значит, сохрани его.

Он вернул распоряжение и придвинул ко мне свёрток с картой.

В приёмной пахло мокрой шерстью. За моей спиной переминался с ноги на ногу мальчишка-посыльный, прижимая к животу продырявленный тубус. Через отверстие просовывалась сердитая фея размером с палец. Увидев меня, она убрала голову обратно.

— А если я откажусь? — Я упёрлась ладонями в стойку. — Вы найдёте другого человека, который не задаёт вопросов?

— Разумеется. Заказ передадут другому.

Служитель уже потянулся к свёртку. Я дёрнула свёрток на себя так резко, что служителю пришлось отдёрнуть пальцы.

— Уже нашёлся исполнитель, — сказала я. — Можете радоваться.

Он открыл рот, но я повернулась к двери. В затылке стучала кровь. По дороге очень хотелось опрокинуть хотя бы одну из трёх ваз с сухими цветами — исключительно ради восстановления справедливости. Я удержалась. Разбить вазу означало оставить расписку, а я намеревалась унести карту и не оставлять ничего.

✱

Мастерская помещалась под западной лестницей Палаты. Когда наверху проходили служители, на мой стол сыпалась известка. За узким окном висели воздушные причалы Эйры:

каменные зубцы башен, подвесные галереи, медные кили кораблей над облаками. Я видела только нижний край этого великолепия. Платили мне соответственно.

Сквозь стекло доносился гул подъёмных колец. Из вентиляции тянуло горячим маслом и корицей из булочной на верхней площади. У меня в животе сердито заурчало. Очень некстати: я собиралась спасти сестру, а собственное тело требовало сначала решить вопрос с ужином.

Зато стол здесь оставался настоящий, чертёжный, маминого времени. На нём можно было разложить портовую карту и не свесить половину созвездий на пол. Я положила свёрток, отодвинула недошитую перчатку и заставила себя выдохнуть. Сердиться я умела прекрасно. Толку от этого пока было немного.

Я задвинула засов и сняла пальто. Из внутреннего кармана выглядывал уголок письма. За шесть дней я прочла его столько раз, что на сгибах проступили белые волокна.

«Приезжай до холодов. У нас теперь собственная печка, представляешь? Правда, дым идёт преимущественно в комнату, но хозяйка уверяет, что это временное свойство».

Ниже Ника нарисовала печь на куриных ножках. Из трубы вылезал лохматый зверёк с зубами. Я положила письмо возле лампы и распаковала карту.

Она была старой, хорошей работы. Плотный лётный шёлк растянули на тонкой раме; по краям темнели отпечатки чужих пальцев. Внизу стоял номер воздушного причала — семнадцатый. Такие карты закрепляли перед штурвалом межгалактического корабля. Их нити задавали последовательность переходов между вратами; нарисовать прямую линию через пустоту было так же бесполезно, как нарисовать себе лишний кошелек.

Лиора находилась у правого края, в галактике Венец. Мы с Никой жили на Эйре, в Северной Спирали. Между двумя галактиками лежало столько пустоты, что без звёздных врат не хватило бы тысячи человеческих жизней. На карте это расстояние умещалось в три перехода и один поворот серебряной нити. Зелёное кольцо обозначало планету, семь точек внутри — города на парящих плато, маленький прямоугольник сбоку — таможеню.

Сейчас кольцо было серым. Я наклонила лампу. Провела над ним ладонью, не касаясь шёлка.

Остывший узел. Такое случалось после бури, аварии маяка, иногда — из-за забастовки хранителей. Кольцо должно было хранить хотя бы остаточное тепло, если через врата недавно прошёл корабль. Это было холодным, словно карту всю ночь держали на льду.

В распоряжении требовалось снять кольцо, вычистить подводящие линии и выправить расстояния. Обычная работа при закрытии старых врат: меняют выход, переносят якорный маяк, прокладывают обход. Но на этот раз рядом не было нового знака. Лиору предлагали просто убрать, словно кто-то пролил на шёлк зелёные чернила.

Но к закрытому узлу всегда прилагался акт: причина, дата, подпись зрителя. Здесь лежал единственный лист. Я перевернула карту. На обороте, под рейкой, оказался зажат кусочек синей нити. Ника любила вплетать такие в волосы. Я успела рассердиться на себя за эту мысль — мало ли на свете синих ниток, — прежде чем заметила шов.

Карту распарывали. Я достала лупу и подвинула лампу ближе. Вдоль края тянулись две строчки: старая, ровная, и свежая, торопливая. Один стежок захватывал самый кончик зелёного знака, скрытого под рамой.

Не умея составить маршрут, я всё ещё умела замечать, когда кто-то плохо выполнил мою работу. Я срезала три стежка, отогнула шёлк. Под ним была вторая карта. Тоньше верхней, почти прозрачная. На ней Лиора светилась так ярко, что зелёный отсвет лёг мне на пальцы.

Я замерла, держа лупу у глаза. Из верхней карты вырезали узел и заменили куском мёртвого шёлка. Настоящую основу спрятали внутрь. Тот, кто это сделал, торопился или не ожидал, что исполнитель полезет под раму.

Наверху хлопнула дверь. По ступеням прошли двое. Я дождалась тишины и просунула под подкладку костяную гладилку. Там что-то лежало. Небольшая жестяная коробочка, плоская, как портсигар. На крышке были процарапаны мои инициалы.

Р. В. Я больше не чувствовала холода. Стало жарко, пришлось расстегнуть ворот.

Внутри коробочки лежал круглый сухарь, обёрнутый в клочок бумаги. Ника всегда присылала сухари, если ей требовалось передать хрупкую мелочь: говорила, что таможенники разбираются в амулетах, но ещё не научились бояться хлеба.

Я разломила его над ладонью. В крошках блеснула латунная пуговица. С моего зимнего пальто. Я отдала его Нике перед отъездом, и она жаловалась, что пуговицы слишком тяжёлые, будто их отлили для корабельного борта.

На бумаге было всего несколько строк.

«Рута, карту дадут тебе, если мой человек успел договориться. Проверь нижний слой. Нас не потеряли. Дорогу убирают нарочно.

Не отдавай оригинал Палате. Я у западного маяка. Синее стекло. Третий звон. Если придётся платить, бери лето у мельницы. Только не маму». Последнюю строчку я прочла несколько раз. Потом аккуратно положила пуговицу рядом с письмом и села.

В Палате любили повторять, что никто не знает, как карта выбирает цену. Это было правдой лишь наполовину. Опытный мастер мог предложить воспоминание сам. Чем точнее он его удерживал, тем больше было шансов, что дорога возьмёт именно его.

Но научить этому меня не успели. За дверью раздался стук. Не громкий. Два коротких удара, затем один. Я накрыла карту пальто.

— Закрыто.

— Вы ещё здесь. Я вижу свет под дверью.

Мужской голос. Низкий, чуть хриплый; незнакомый.

— Приём заказов наверху.

— Я за картой семнадцатого причала.

На секунду мне представился старший служитель, как он разглаживает бумагу ладонью. «Значит, сохрани его». Я сгребла оба письма и пуговицу в карман.

— Приходите завтра.

— Завтра она мне не понадобится.

У двери была узкая смотровая щель. Я отвела медную пластинку.

Мужчина заполнил собой почти весь дверной проём. На тёмных волосах таял иней верхних причалов; широкие плечи натягивали мокрую кожу плаща. Через переносицу шёл белый шрам, и лицо с тяжёлой челюстью показалось бы грубым, если бы не глаза — светло-серые, внимательные до неприятного. Он посмотрел прямо в щель, будто видел и мой засов, и нож, который я ещё не успела взять.

Я порадовалась толщине двери. Потом разозлилась на себя за то, что вообще об этом подумала. Знаков Палаты я не увидела.

— Квитанция? — спросила я.

Он достал бумагу и поднёс к щели. Заказ совпадал. Даже в нижнем углу, где расплылись чернила служителя, стояло то же неровное пятно.

— Работу велели закончить к утру, — сказала я.

— Поэтому я пришёл вечером.

Я посмотрела на пустой футляр. Потом на его руки. Крупные, обветренные, с тонкими белыми шрамами у костяшек. На правой были ожог и свежая повязка.

— Вы её привезли?

— Да.

— Откуда?

Он чуть повернул голову, прислушиваясь к лестнице.

— Откройте, Рута. Нам нужно выйти из Палаты до второго звона.

Я с лязгом закрыла щель. Только приказов от незнакомцев мне сегодня и не хватало. Стол от двери отделяли три шага. Я прошла их, достала из ящика нож для срезания рам и вернулась к засову.

— Кто дал вам моё имя?

— Женщина, которая сказала, что вы сначала проверите швы.

Нож оказался неудобным. Коротким, широким, с выемкой под большой палец. Я никогда не думала о нём как об оружии и теперь не знала, как держать.

— Как её зовут?

— Вероника Вейль.

Я отодвинула засов. Мужчина вошёл, и тесная мастерская стала ещё теснее. Я отступила к столу, но нож не опустила. Он остановился на расстоянии вытянутой руки. Посмотрел на лезвие, затем мне в лицо — и вдруг перестал двигаться.

Это длилось всего мгновение. Однако в лампе вытянулся огонёк, стекло над картой тихо звякнуло, а у меня под ключицами прошла горячая дрожь. Я сглотнула. Пахло разогретой кожей, холодным воздухом и чем-то сухим, горьким, как искра от кремня.

Его зрачки сузились. Он медленно сжал здоровую руку в кулак.

— Что? — спросила я.

— Ничего.

Он ответил слишком быстро. Я это заметила, но у меня была сестра в исчезающем мире и очень ограниченный запас терпения.

— Нож поверните лезвием от себя, — произнёс он. — Если решите меня ударить, хотя бы не порежьтесь первой.

— Где моя сестра?

— На Лиоре. Была там, когда я уходил.

— Когда?

— Три дня назад.

— Почему не привезли её?

— Она отказалась уходить без остальных.

Я знала этот ответ ещё до того, как он прозвучал. Ника не могла пройти мимо замёрзшего голубя. Однажды у нас в комнате зимовали семь штук, и хозяйка пригрозила выселением, если хотя бы один ещё раз воспользуется её лестницей вместо двора.

Он смотрел уже иначе. Не разглядывал лицо — следил за каждым моим движением, будто ожидал, что я сейчас исчезну. У меня нагрелись щёки. Я сердито запахла ворот: с чего бы мне смущаться перед человеком, которого я даже не приглашала?

— Если вы всё-таки из Палаты, — предупредила я, — знайте: мне нечего терять, кроме дурного характера.

— Характер оставьте. Он вам пригодится.

Я отступила, разрешая ему закрыть дверь.

— Ваше имя.

— Арден Ро. Капитан «Вереска».

— Служба?

— Хранитель западных врат.

— На Лиоре?

— Раньше — да.

Он положил на край стола квитанцию. Пальто с карты не снял.

— Записку нашли?

— Кто распарывал раму?

— Я.

— Ужасная работа.

— Ника предупреждала, что вы скажете это.

Я опустила нож.

Это ещё ничего не доказывало. Он мог прочесть записку, мог заставить её написать. Но я вдруг очень ясно представила сестру: сидит, подвернув ногу, тянет нить сквозь игольное ушко и смеётся над человеком, которому доверили шитьё.

— Что происходит с Лиорой?

Арден откинул край пальто. Зелёный свет пробился сквозь разрез.

— Вчера из портового расписания исчез наш рейс. Сегодня никто в диспетчерской не смог найти название мира в указателе. Утром я показывал им грузовые накладные. К полудню накладные были пустыми.

— Подмена.

— Я тоже так думал.

Он вынул из-за пазухи сложенный лист и развернул. Вверху оставалась печать таможи. Ниже — таблица с ровными пустыми строками. Я взяла бумагу. Потёрла её подушечкой пальца, поднесла к лампе. Никаких следов смывки.

— По какой карте вы пришли?

Арден указал на стол.

— По этой.

— Как вам удалось провести её через сверку?

— Верхний слой смотрители проверили. До нижнего не добрались.

Значит, подделку сделал он. Мёртвое кольцо предназначалось для таможи, настоящее — для меня. Я вынула из ящика иглу и принялась срезать остальные стежки.

— Если карта исправна, я лечу с вами. И не вздумайте сказать, что на борту нет места.

— Место будет, — ответил он так уверенно, что я заподозрила: он уже всё решил.

— Я нанимаюсь картографом, капитан. Не багажом.

Он чуть склонил голову, принимая слова, но выражение глаз мне не понравилось. Так смотрят на вещь, за которую готовы драться. Со мной ещё никто не пробовал обращаться как с драгоценностью. Я предпочла бы начать знакомство с более вежливого случая.

— Мне не нужен отдельный билет. Я отработаю дорогу. Починю вам карты, перепишу лоции. У вас штурман есть?

— Был.

Я остановилась.

— Что значит «был»?

— Теперь он уверен, что никогда у меня не служил.

За стеной звякнул колокол. Первый вечерний звон. Сверху загрохотали сапоги: служащие спешили домой, пока не развели портовые мосты. Арден держал взгляд на карте.

— На причале есть моя команда, — сказал он. — Семеро. Пока помнят, зачем пришли. Последний выход сегодня, до закрытия западной арки. Я рассчитывал вернуться тем же путём, но нить перестала отвечать.

Я сняла верхний шёлк.

Теперь вся карта лежала перед нами: голубые коридоры, золотые отметки маяков, зелёное кольцо Лиоры. Подходящая к нему линия обрывалась за два пальца до входного знака. У самого разрыва ещё двигалась крошечная светлая точка.

Корабль. Я склонилась ниже. Точка пыталась повернуть. На шёлке оставался тусклый след, тут же затягивавшийся серым. Слева и справа не было ни одного доступного пути.

— Они видят обрыв? — спросила я.

— Уже должны.

Я вынула циркуль и проверила расстояние от ближайших врат. Слишком далеко. У судна заканчивался запас света в путевых парусах; без связки оно останется внутри закрывающегося коридора.

— Здесь можно провести короткую связку.

Арден посмотрел на меня.

— Вы умеете?

Это был хороший вопрос. Неприятно хороший. Я ремонтировала карты, переплетала края, заменяла подписи и переносила готовые маршруты с матрицы. Право чертить новые дороги выдавали после третьего испытания. До третьего я не дошла.

Но видела, как это делают.

— Мне нужны четыре минуты.

Он пододвинул лампу, освобождая середину стола.

— Что ещё?

— Не говорить со мной.

Я растегнула футляр со своим старым рейсфедером. Серебро потемнело. Пришлось протереть кончик рукавом.

На тренировочных картах использовали простые чернила. Настоящей дороге требовались другие: в них растворяли пыль с порогов врат. У меня оставался крохотный флакон, полученный перед последним экзаменом. Я хранила его два года, хотя за него можно было заплатить за комнату на месяц.

Пробка присохла. Я подцепила её ножом, едва не расплескав содержимое. Арден протянул руку, но я уже справилась. Лето у мельницы.

Ника сама предложила его. Помнила, как мы бегали на луг и ловили в траве светляков. Мне было двенадцать, ей восемь. Я учила её запускать бумажного змея, придерживая за пояс возле обрыва, а она делала вид, что может без меня.

Не это. Я выбрала другое: жаркий полдень, мы вдвоём счищаем краску с мельничной двери. Хозяин обещал нам по медяку. Ника измазала нос зелёным, у меня болела спина, и мы поссорились из-за скребка.

Я держала этот полдень перед глазами, пока наполняла рейсфедер.

Начало новой линии следовало поставить на живой узел. Конец — замкнуть на другом. Нельзя было отрывать руку, нельзя было вести по чужому пути. Самым трудным считался поворот: расстояние на карте менялось, как только чернила касались шёлка.

Я выдохнула и провела первый штрих. Стол качнулся. Нет, стол стоял ровно. Двинулось пространство между моей рукой и зелёным кольцом. Лиора ушла вправо; я повела рейсфедер следом, чувствуя, как затекает плечо.

Запахло нагретой краской. Мельничная дверь. Полдень. Скребок. Светлая точка корабля дрогнула и поползла к незавершённой линии.

— Подожди, — прошептала я ему.

На запястье легло тепло. Арден подставил ладонь под мою руку, не меняя её положения. Удержал вес, когда пальцы начало сводить. Остался поворот. Зелёная краска на Никином носу. Нет — синяя? Мы красили дверь или счищали? Я помнила скребок, но не могла понять, у кого он был.

Кольцо Лиоры приблизилось. Я замкнула линию. Рейсфедер ударился о край стола. Серебро звякнуло, из прорези выпала чёрная капля и прожгла рукав. Я смотрела на карту. Корабль шёл по новому пути.

Медленно, но шёл. Возле зелёного кольца зажёгся второй огонёк — маяк принял его. Арден убрал руку.

— Получилось.

Я хотела сказать, что вижу сама. Вместо этого спросила:

— Какая мельница?

Он не ответил сразу.

Я знала, что выбрала воспоминание о мельнице. Помнила собственное решение, слова в записке, даже ощущение обиды: было жалко отдавать кусок детства за незнакомый корабль. Но за этим не стояло ничего. Ни двери, ни лета, ни сестры.

Я прижала ладонь ко рту.

Два года назад на экзамене я отказалась платить. Наставник ждал, а я стояла перед чистой картой и не могла выбрать ничего, с чем согласилась бы расстаться. Потом мне предложили должность копиистки. Ещё через месяц — уйти.

Оказалось, провести дорогу проще, когда кто-то не успевает вернуться домой. Арден налил воды в мою кружку. Я выпила, не разжав пальцев второй руки. В ней почему-то снова была зажата пуговица.

— Сколько людей на корабле? — спросила я.

— Не знаю.

Честный ответ. Я была ему за это благодарна. На лестнице снова слышались шаги. Теперь никто не спешил. Каблуки стукнули на площадке прямо над нами и замерли. Арден погасил лампу пальцами.

Я увидела, как пламя обхватило его кожу, втянулось под ногти и исчезло. На запястье проступили мелкие тёмные чешуйки. Дракон. Хранители врат почти всегда были драконами. Конечно. Ника писала о них, а я думала о билетах и о том, сколько стоит дорога.

Он приложил палец к губам. Снаружи кто-то нажал на ручку.

— Рута Вейль. Откройте. Ночная сверка.

Я узнала голос старшего служителя. Арден беззвучно сдвинул карту со стола и скатал её светом внутрь. Протянул мне, но я показала на квитанцию. Он понял: забрал и её.

— Сверку отменили три месяца назад, — сказала я.

— Сегодня восстановили.

Под дверью белела полоска коридорного света. На неё легла тень. Потом вторая. Я посмотрела на окно. Узкая фрамуга под потолком выходила в портовый водосток. В детстве я бы пролезла. Сейчас — возможно, если снять пальто. Арден не пролез бы никак.

Служитель снова дёрнул ручку.

— Вы вскрывали раму?

Я молчала.

— Рута, положите инструменты и отойдите от стола.

Дракон указал на заднюю стену мастерской. Я покачала головой. Там была кладка, за ней старый грузовой ход. Его заложили ещё при моей матери. Арден положил ладонь на камень. Раствор между кирпичами потемнел. От стены повеяло сухим жаром. Дракон стиснул зубы, и свежая повязка на его правой руке начала дымиться.

— Не надо, — выдохнула я. — Вас услышат.

Он убрал ладонь и посмотрел на меня. Я достала из-под стола ломик, которым снимала тяжёлые рамы. Вставила конец в размягчённый шов. Кирпич подался почти беззвучно. За дверью заскрежетал ключ.

Мы вынули шесть кирпичей. Я сунула в проём пальто, следом карту. На пол по ту сторону посыпалась пыль.

— Рута, — сказал служитель уже другим голосом. — Не заставляйте нас ломать дверь.

Я взяла рейсфедер и флакон. Почему-то именно сейчас вспомнилось, что за комнату надо заплатить до четверга. На столе осталась недошитая перчатка. В чашке — вода. Я оставляла после себя такой беспорядок, будто собиралась вернуться через минуту.

Арден придержал меня за локоть, пока я забиралась в пролом, и сразу отпустил, как только я встала на ноги. Потом протиснулся сам, разорвав плащ о край кирпича. В мастерской треснула дверь.

Я на ощупь подобрала пальто. Карта тускло светила сквозь свёрнутый шёлк.

— Направо, — прошептала я. — Там выход под лестницей причала.

— Вы здесь ходили?

— Нет. Чинила планы здания.

Он пропустил меня вперёд. Мы сделали несколько шагов, когда из мастерской донеслось:

— Карты нет.

Второй голос спросил что-то неразборчиво.

— Живая, — ответил служитель. — Она открыла маршрут.

Я остановилась. Арден коснулся моего плеча, торопя.

— Тогда закрывайте семнадцатый причал, — сказал второй голос. — И проверьте её память. Если помнит сестру, одной картой не обойдёмся.

Я крепче прижала свёрток к груди и пошла быстрее.

Глава 2. Семнадцатый причал

Грузовой ход заканчивался под лестницей воздушного причала. Между нами и свободой стояла решётка, за ней — три бочки с прогорклой смазкой для лебёдок. На плане бочек не было. Я обхватила прутья и потянула. Решётка приподнялась на палец, осыпала меня ржавчиной и встала намертво.

Арден выглянул из-за моего плеча.

— Позвольте.

— Только не грейте. Запах и так достаточный.

Арден взялся за нижний край здоровой рукой. Мышцы под рукавом напряглись, металл протяжно закрипел. Решётка согнулась. Я невольно уставилась на его пальцы: никакого инструмента, ни одного произнесённого заклинания.

— Любуетесь? — спросил он.

— Прикидываю, сколько возьмёте за вскрытие шкафа. У хозяйки заело дверцу.

Угол его рта дрогнул.

— Вам — бесплатно. Бочку толкните.

Я навалилась на неё сквозь образовавшуюся щель, и она наконец отъехала, оставляя на досках густой след. Выбираясь, я зацепилась карманом. Услышала треск и замерла. Письма были на месте. Пуговица тоже.

Лишь после этого стало больно: ржавая заусеница распоролa ткань и кожу на бедре. Арден заметил, как я прижала ладонь к боку.

— Глубоко?

— Нет.

— Покажите руку.

На пальцах осталось немного крови. Он увидел её, и с его лицом произошло что-то страшное: челюсть окаменела, в серых глазах проступил золотой ободок. Арден обхватил моё запястье. Горячие пальцы легли точно на пульс, и знакомая дрожь прокатилась до самого плеча.

— Отпустите.

— Нужно перевязать.

— Я распоролa ногу, а не лишилась способности думать.

Он посмотрел мне в лицо, словно вернулся откуда-то издалека. Разжал руку, оторвал от подкладки полосу чистого полотна и протянул мне.

— Прижмите. В рубке займёмся как следует.

Мне почему-то было жаль, что он убрал пальцы. Эта мысль разозлила сильнее самой раны.

Мы выбрались на нижнюю галерею. Под решётчатым настилом расходились облака, и сквозь них показывались крохотные огни улиц. До земли было полверсты. Я ухватила за перила раньше, чем успела напомнить себе, что здесь родилась.

Наверху торговали билетами и горячими лепёшками. Здесь, под причальными площадками, ночевали грузчики, дребезжали пустые захваты, от подъёмных колец тянуло медным жаром. Огромный корабль над соседней башней повернулся, заслонив луну. Из его нижних сопел посыпались голубые искры. Ни одна не долетела до нас: защитная сетка порта погасила их на полпути.

Я бывала здесь десятки раз, но никогда не уходила от погони с человеком, который ломал железо одной рукой. День явно стремился стать незабываемым. Особенно обидно, что часть его я уже оплатила памятью.

Арден повернул налево.

— Семнадцатый в другой стороне, — сказала я.

— Верхний проход перекроют первым. Пойдём через разгрузку.

Карту мы убрали в его футляр. Без неё мои руки стали удивительно пустыми. Я всё время проверяла, со мной ли рейсфедер. Под низким навесом стоял столик с хлебом. Женщина в клеёнчатом переднике пересчитывала остатки, перекладывая их в мешок. Арден оставил монету и взял две маленькие булки.

Одну протянул мне.

— Сейчас?

— Вы чертили натошак?

Я хотела возразить, что утром съела кашу, но поняла, как это прозвучит. Булка была вчерашней. В середину запекли несколько кислых ягод. Я откусила и вдруг почувствовала, что ноги дрожат так сильно, что трудно идти ровно.

Арден замедлил шаг, ничего не сказав. Над портом ударил колокол. Два раза. По мосту пробежали служители с ручными фонарями. Один крикнул, чтобы у семнадцатого оставались на борту до проверки.

Мы спрятались за штабелем клетей. Мимо, шлёпая по лужам, прошёл мальчишка из приёмной. Тубус он нёс под мышкой, дыркой вниз.

— У тебя спина горбатая будет! — донеслось из тубуса.

— А у тебя язык отвалится.

— Не раньше, чем ты заплатишь!

Мальчик свернул за клетки и едва не налетел на меня. Арден поднял руку, останавливая его.

— Тихо, Клим.

Посыльный узнал его и выдохнул.

— Они уже на корабле. Двое. Сказали, пока капитан не явится, никого не выпускать.

— Давно?

— Только поднялись. Госпожа Бранна ругается.

Из отверстия показалась фея. На голове у неё был крохотный кожаный шлем, завязанный под подбородком. Одно крыло она держала ниже другого.

— Это картограф? — спросила она, разглядывая меня. — Выглядит дешевле, чем нам обошлась.

— Сколько? — спросила я.

Клим покосился на Ардена.

— Три марки за доставку. Мне полмарки. Остальное Тиссе.

Фея вылезла на край тубуса.

— Потому что ты нёс, а я договаривалась.

— С кем? — спросила я.

— С младшим писарем. Карта должна была попасть в общую очередь, я добилась, чтобы её отдали тебе. Арден сказал: любыми словами, только чтобы ты получила.

— А приказ стереть Лиору?

Тисса перестала отряхивать рукав.

— Этот уже лежал у старшего. Я ничего про стирание не говорила.

Арден встретился со мной взглядом. Он привёз карту для ремонта, а распоряжение успело появиться прежде, чем я её получила.

— Клим, иди домой, — сказал он. — Не через главный мост.

— Я ещё груз должен...

— Бранна запишет тебе смену целиком. Иди.

Мальчик передал мне тубус, точно я уже согласилась его взять, и исчез между клетями. Тисса осталась сидеть на краю.

— Я с вами. На Лиоре мне должны за три месяца. Если забуду, кому, как потом взыскивать?

Она говорила сердито, но обеими руками держалась за кожаный ремешок. Я не стала спрашивать о долге.

— Летать можете?

— Могу падать с направлением. Сломано.

Я просунула тубус под ремень пальто. Арден выглянул из-за клетей.

— Подойдём с кормы. Там служебная сходня.

— А вы?

— Отвлеку их у трапа.

Это означало, что карту и единственного человека, знавшего дорогу к сестре, я могла потерять одновременно.

— Кто на вашем корабле старший после вас?

— Бранна. Короткие седые волосы. Не перепутаете.

— Тогда сначала на корабль поднимемся мы. Вы — через пять минут.

— Рута...

— Если эти двое ищут карту, зачем им сразу получать её вместе с вами?

Он снял футляр с плеча и отдал мне.

— Четыре минуты. Если не выйдет, уходите к восьмому причалу, в контору грузчиков.

Спросите Этту, скажите, что от меня.

— Это ваша знакомая?

— Она должна моей команде жалованье за прошлый рейс. Постарается, чтобы мы не погибли прежде, чем его получим.

✱

Корабль назывался «Вереск».

Имя вырезали на корме и покрасили белым. Две буквы облупились. «Вереск» висел у башни на четырёх причальных захватах: две мачты, низкая рубка, медная броня вдоль бортов. Внизу, под открытым килем, светилось подъёмное кольцо. Сквозь его центр я видела облака. На мачтах были свёрнуты путевые паруса — чёрные, с серебряной сеткой, улавливающей энергию межгалактического коридора.

Над главной мачтой был поднят синий вымпел закрытого рейса. Я прошла к кормовой сходне, стараясь не смотреть на людей у трапа. Футляр бил по ноге. Тисса завозилась под моим локтем.

— Левее. Там доска гнилая.

Я переступила. На палубе женщина с короткими седыми волосами держала перед служителем раскрытую книгу.

— Читайте. Пункт восьмой: досмотр груза при двух свидетелях. Ваш напарник свидетелем не считается.

— Препятствуете исполнению?

— Обеспечиваю. Или вы хотите, чтобы я подписала неверно составленный акт?

Второй служитель стоял у рубки. На поясе у него висел белый кожаный пенал. Я узнала такие: в них носили сверочные гребни, которыми проверяли соответствие копии главной матрице. Он вынул гребень.

Под футляром у меня стало горячо. Я опустила на корточки за сложенной парусиной.

— Тисса. До Бранны доберётесь?

— По палубе? Если не наступят.

— Скажите, что капитан идёт. И нужно убрать проверяющего из рубки. У него сверочный инструмент.

— У нас запрещено крысятничать, — прошептал голос сверху.

Я подняла голову. Юноша с ведром смотрел на меня через бухту каната. В ведре плескалась мутная вода.

— Я не крыса.

— Вижу. Крысы футляры не носят.

Тисса выбралась из тубуса.

— Орс, закрой рот и отнеси меня Бранне.

Юноша поставил ведро, протянул ей ладонь и пошёл к женщине так спокойно, будто переносить сердитых фей входило в его ежедневные обязанности. Я считала удары сердца. Сбилась на тридцатом.

Футляр нагрелся ещё сильнее. Служитель у рубки повернул голову. Он не мог видеть меня за парусиной, но смотрел прямо в мою сторону. Потом провёл гребнем по дверному косяку. Зубья засветились зелёным.

Сверка искала живую карту. Я открыла футляр. Светлая нить на шёлке дрожала в такт движению гребня. Ещё немного — и прибор выведет служителя ко мне. На столах копиистов для изоляции использовали свинцовые подкладки. Здесь у меня были пальто, парусина и ведро грязной воды.

Я потрогала дно ведра. Тяжёлое, выстланное мягким серым металлом. Такие использовали для промывки ходовых огней. Служитель сделал шаг. Я вылила грязную воду в сливной приёмник, засунула свёрнутую карту в ведро и опрокинула сверху пустой футляр, прикрыв щель пальто.

Зелёное свечение у гребня погасло.

— Вы сюда чай пить пришли? — громко спросила Бранна.

Я чуть не уронила ведро. Она смотрела на служителя.

— Плombу на трюме проверять будете? Я до утра тут стоять не нанималась.

Он убрал гребень и подошёл к ней. Я обошла рубку с другой стороны и толкнула дверь. Внутри пахло маслом и сушёными яблоками. У штурвала стоял худой человек в распахнутой куртке. В руке у него была дорожная сумка.

— Вы к капитану? — спросил он.

— Да.

— Тогда передайте, что я ухожу. Мне говорили, на судне требуется штурман, а тут все ведут себя так, будто я уже согласился.

На спинке его стула висел жилет. В кармашке торчал складной угольник, на груди темнели инициалы: «Э. С.».

— Как вас зовут?

— Эмиль Сарт.

Я посмотрела на потёртую рукоять штурвала. Дерево было обмотано тканью в двух местах: одно как раз приходилось под его левую ладонь. Человек держал сумку, словно чемодан в чужой прихожей, но незаметно придерживал ногой дверцу нижнего шкафчика, чтобы та не стучала при качке.

— Вы сегодня уже уходили с корабля?

— Ходил в контору. Они прислали меня обратно. Якобы за расчётом.

— И как давно вы здесь работаете?

Он нахмурился.

— Я же сказал: меня только направили.

Снаружи раздался голос Ардена:

— Проверяйте. Это вся моя поклажа.

За маленьким кормовым окном мелькнули фонари. Два служителя поднялись по трапу. Ещё один остался на причале. Эмиль двинулся к двери. Я отступила, освобождая дорогу. Ска-

зять ему, что он болен, что его память испортили, значило задержать ещё на несколько минут — ровно до тех пор, пока нас не найдут.

А запереть чужого человека на уходящем корабле я не могла.

— Возьмите жилет, — сказала я.

Он обернулся.

— Это не мой.

— Посмотрите в кармане.

Эмиль, помедлив, достал угольник. На сгибе была латунная заплатка. Он провёл по ней ногтем. Выражение его лица изменилось.

— Чепуха какая-то.

— Я тоже не понимаю. Но в порту люди, которые умеют забирать воспоминания. Они пришли за мной. Возможно, уже приходили за вами.

Он посмотрел сначала на меня, потом на ведро.

— А там что?

— Причина.

На палубе загремел голос Бранны:

— Соль, шерсть, сушёный горох! В третьем ящике запасные подшипники. Хотите, пересчитайте!

Эмиль сжал угольник.

— Третьего ящика нет. Мы переложили железо к мачте, когда...

Он оборвал себя. Я видела, как он пытается удержать продолжение фразы. В дверь вошёл Арден. За его плечом показалась Бранна.

— Чисто? — спросила она.

Я подняла ведро. Бранна посмотрела на него, потом на меня и кивнула так, будто всю жизнь мечтала получить именно такого картографа.

— Гребнем водили по левому борту, — сказала я. — У служителя белый пенал.

— Он сейчас внизу с напарником. Осматривает груз.

Арден шагнул к переговорной трубе.

— Готовить отход. Досмотровую пару высадить в шлюпку.

Бранна вышла.

— Эмиль, — сказал Арден. — Останешься?

Штурман не ответил сразу.

— Ты мне должен денег?

— За три недели.

— Много?

— Для меня — да.

Эмиль положил сумку под стул.

— Тогда останусь до расчёта.

Корабль дёрнулся. С причальной башни закричали. Арден встал между проверяющими и рубкой. Один потянулся к белому пеналу — капитан перехватил его кисть и прижал к перилам. Медная обшивка под ладонью потемнела.

— Ещё раз достанешь гребень возле неё, останешься без руки.

Он произнёс это негромко. Проверяющий побледнел, и я поняла, что угрозу здесь никто не счёл преувеличением.

— Арден! — окликнула я.

Он не повернулся, но пальцы разжал. Бранна указала служителям на подвесную шлюпку. Орс удерживал её у борта посадочным багром; под днищем мерцал маленький лётный диск. Оба проверяющих перебрались в неё без дальнейших возражений.

Проверяющие даже не попытались сопротивляться. Это поразило меня сильнее, чем если бы началась драка. Служитель с гребнем обернулся у борта шлюпки.

— Господин Ро, вы понимаете, что утратите право возвращения?

— Оттолкни шлюпку, Орс.

Арден закрыл дверь рубки. Из-за стекла я увидела, как между бортом и башней расширяется чёрный провал. По галерее побежали к сигнальному столбу. Причальные захваты разомкнулись один за другим, и «Вереск» медленно набрал высоту.

— Мы успеем к арке? — спросила я.

— Если карта выдержит, — ответил Арден.

Я вынула её из ведра. С края капала вода. Шёлк намок, но нити не погасли. Я разложила карту на столе и закрепила углы зажимами. Моя новая линия светилась. Лиора отвечала зелёным. А за маленьким знаком нашего корабля один за другим гасли голубые узлы.

Под «Вереском» по-прежнему светился город. На галереях горели фонари, кто-то продавал горячий ужин, воздушные экипажи ждали пассажиров у контор. Чужая жизнь продолжалась с возмутительным спокойствием.

Порт был на месте. Только дороги домой уже не было.

Я стиснула перила. Возвращаться стало некуда не потому, что город исчез, — он ещё лежал внизу, весь до последней крыши. А потому, что я больше не могла убедить себя: достаточно не высовываться, шить чужие карты, вовремя платить за угол, и беда пройдёт мимо.

Беда знала мой адрес. Прислала письмо почерком сестры и явилась следом, в сером служебном пальто.

— Отойдите от борта, — приказал Арден.

Я обернулась слишком резко; боль в бедре тут же напомнила, что героические повороты мне пока не положены.

— Ещё раз скажете таким тоном — и я начну брать плату за исполнение приказов.

— Возьмите аванс. — Он поймал меня за локоть за секунду до того, как палуба ушла из-под ног.

Над портом сработало подъёмное кольцо. Воздух ударил снизу, взметнул волосы, а капитан даже не пошатнулся. Под ладонью у него моё пальто мгновенно нагрелось. Я хотела отдернуть руку, но сперва всё-таки нашла ногами доски.

— Здесь слушаются капитана, Рута. Когда я говорю отойти, у меня есть причина.

— Так называйте её.

Несколько секунд он смотрел на меня с таким выражением, будто прежде люди редко задерживались на этой части разговора. Потом переставил мою ладонь на внутренний поручень.

— Сейчас обледенеет наружный металл. Пальцы оставите.

Я посмотрела: на перилах уже распускались белые иглы.

— Вот. Можете же.

Он не улыбнулся. Зато отпустил мой локоть, убедившись, что я держусь крепко. Это раздражало почти сильнее самого приказа: я чувствовала, как тщательно он рассчитывает силу, которую мог бы применить. И как мало труда ему стоило бы меня удержать.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.